

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

ОХОТА на мага

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов

Охота на мачо

«Научная книга»

Леонов Н. И.

Охота на мачо / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
— (Полковник Гуров)

Он – умелый и опытный охотник. Его добыча – красивые девушки, жаждущие роскошной жизни в какой-нибудь богатой стране. И он устраивает им это, только страна оказывается не очень богатой, а девушки становятся там секс-рабынями. Полковники Лев Гуров и Станислав Крячко выявили механизм этого прибыльного бизнеса, обезвредили основных его фигурантов. Только охотник остается неуловим. Привыкший охотиться на людей, он осторожен и непредсказуем. Правда, полковники-сыскари тоже поднаторели в охоте. Главное – взять след, остальное – дело техники. Охотник попадет в собственную ловушку.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	19
Глава 4	22
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Николай Леонов, Алексей Макеев

Охота на мачо

Глава 1

Он смотрел в ее глаза, но вряд ли мог бы позже с уверенностью сказать, какого они цвета, формы, какой длины у нее ресницы и насколько эти ресницы загнуты кверху. Он смотрел в ее глаза с нежностью, теплотой и любовью, но видел в них только собственное отражение. И это полностью удовлетворяло его.

В ее глазах отражался молодой человек лет тридцати или около того с красивым мужественным лицом, что особо ярко выражалось в его рельефно очерченных скулах, в полной, чуть выступающей вперед на австрийский манер нижней губе, в идеально ровном носу, в густых волосах, зачесанных назад и выставлявших на обозрение высокий гладкий лоб. Но он подмечал не только эти свои природные качества мужского обаяния. Он фиксировал через ее глаза все. Свои движения, мимику, взгляд.

Он прекрасно знал, какое впечатление производит на эту будто замороженную его вниманием и нежностью девушку, которую, по большому счету, тоже нельзя было назвать некрасивой. Нет, это было бы несправедливо по отношению к нему. Не будь она хороша собой и привлекательна, он не сидел бы с ней здесь, в полутемном зале ресторана, наполненного чарующей музыкой Востока.

Место тоже было выбрано идеально. Здесь все буквально дышало спокойствием и умиротворением. Музыка обволакивала их. Посетителей было немного, и все они располагались достаточно далеко друг от друга, так, чтобы тихие разговоры, неторопливо ведущиеся между отдельными компаниями из двух-трех человек, не переплетались друг с другом и не нарушали общего комфорта. Между столиками бесшумно передвигались официантки в восточных костюмах, сноровисто доставляя заказы и тут же исчезая, как по мановению волшебной палочки.

– Я будто попала в сказку, – она улыбнулась, и на слегка обнажившиеся белые ровные зубы отбросила блик стоящая на столике наполовину сгоревшая свеча. Тени отплясывали какой-то сатанинский безумный танец в ее рассыпавшихся по плечам каштановых волосах. – Ты уже бывал здесь раньше?

– Нет.

Он накрыл ее руку своей жесткой сухой ладонью, и от этого прикосновения по телу девушки заскользил заряд электрического тока. Он поднялся по локтю, чуть тряхнул девичье плечо и мурашками спустился по спине. Она невольно поежилась, но поймала себя на мысли, что это ощущение ей приятно. Странно, но она никогда не испытывала его прежде. А ведь он был не первым мужчиной, с которым она встречалась.

Ирине было двадцать три года, и последние четыре из них она, мягко говоря, стремилась проводить преимущественно в мужском обществе. Зная, что природа не обидела ее внешне, Ира предпочитала пользоваться благами молодости сейчас, а не стенать спустя несколько лет о том, что уникальный шанс бездарно упущен. Она заканчивала экономический институт по специальности маркетолога и свято верила в то, что радужное будущее еще ожидает ее. К тому же об этом Ирине не раз говорили и ее родители, и близкие подруги, и даже некоторые из тех молодых людей, с которыми она встречалась.

Но ни один из бывших ухажеров не шел в сравнение с тем, что сидел сейчас напротив нее, осторожно и бережно перебирая в уверенных цепких пальцах ее хрупкую кисть. Казалось, он старался насладиться каждой клеточкой ее тела. А чего стоили его глаза? Ирине казалось, что

она буквально погружается в них целиком, растворяется... Она чувствовала, что при каждом взгляде этих глаз она тонет в их омуте для того, чтобы уже через секунду вновь возвратиться к жизни. Любовь? Возможно. До сих пор она не знала, что означает это чувство, такое нелепое и нереальное. И сейчас Ирина чувствовала себя безмерно счастливой оттого, что вот и на ее долю выпало стать избранницей.

– Я первый раз в этом заведении, так же, как и ты, – продолжил он, и девушке казалось, что бархатный голос обволакивает ее с головой. Он будто бы касался своими невидимыми щупальцами самых далеких и сокровенных уголков ее души. – Но я чертовски рад, что оказался здесь вместе с тобой. Сейчас мне кажется, что сама судьба завела нас с тобой в этот уголок. Я чувствую, как нечто неведомое и необъяснимое наполняет меня и рвется наружу. К тебе... Ты знаешь, что такое энергетика?

– Энергетика? – машинально переспросила Ирина, и он неторопливо кивнул в ответ. – Ну, это... Это как бы... То, чем люди обладают...

Она так и не закончила начатую фразу, сбившись с хода собственных рассуждений. Он рассмеялся. Не зло, не обидно. Напротив, от его легкого смеха Ирина почему-то почувствовала себя легче. Он вроде как избавлял ее столь нехитрым способом от необходимости словесных объяснений. Его пальцы, полностью насладившись теплом и податливостью ее кожи на тыльной стороне ладони, проворно подхватили со столика фужер, наполовину наполненный янтарно-розовым вином. Подушечки пальцев, прикрытые ровными, гладкими, овальной формы ногтями, коснулись узкой стеклянной ножки и с легкостью провернули ее вокруг собственной оси.

Ира поймала себя на том, что как замороженная отслеживает каждое его движение. От этого осознания щеки девушки залились пунцовой краской, и она машинально отстранилась от мерцающего пламени свечи, чтобы он не мог заметить ее смущения.

Но он заметил. Он замечал все. И все фиксировал. Каждую мелочь, каждую незначительную реакцию на свои слова, действия... В этом он был профессионал.

– Энергетика, Ирочка, – это то, чем мы обмениваемся при общении друг с другом. Энергетика человека – основа всех основ. Это целая наука, но мне не хотелось бы вдаваться в нее сейчас слишком глубоко и разводить на эту тему философские сентенции. Скажу только, что энергетика у каждой отдельно взятой личности может быть как положительной, так и отрицательной. В последнем случае от человека исходит невольное отторжение. Пусть не сразу, постепенно, может быть, даже с годами, по мере проявления его негативных качеств, но оно исходит. Это неизбежно. И самое ужасное в том, что в большинстве людей заложена именно отрицательная энергетика. И есть лишь избранные... – Он замолчал и ненадолго прикрыл веки.

Она тоже молчала, ожидая продолжения. Но он не торопился. Когда его глаза снова распахнулись, он уже не смотрел на нее. Будто смутившись, опустил взгляд и теперь разглядывал фужер с плескавшимся в нем благородным и изысканным напитком.

– Не знаю, как сказать... Как правильнее выразиться...

– Скажи как есть, – приободрила его Ирина. – Я постараюсь понять.

По его устам вновь скользнула интригующая улыбка.

– Ты – избранная. Парадоксально, но факт, – на этот раз его слова набирали невольный темп. Казалось, он опасается, что она прервет его, не захочет выслушать до конца, не даст возможности высказаться. – В тебе полностью отсутствует отрицательная энергетика. Я это чувствую. И я никогда не мог бы ошибиться в этом вопросе. Такие люди, как ты, Ира, большая редкость.

Он видел, что его слова падали на благодатную почву. Он знал это. Знал, насколько огромное значение все сказанное имеет для нее лично. Девушка с завышенным чувством самооценки постоянно нуждается в том, чтобы слышать от окружающих подтверждение собственной исключительности. Для нее это как наркотик.

– Перестань. – Она жеманно повела головой.

– Нет, в самом деле. Я прежде встречал такого человека лишь однажды, – тут же бросился он на бордаж с еще большим ожесточением и решимостью, чем две минуты назад. – Человека с положительной энергетикой. Это изумительное состояние...

– Какое состояние?

– Обмен положительной энергетикой. Будто в тебя вливается ощущение счастья, радости, безграничное пространство Вселенной во всей ее первозданной красоте. У меня даже немного кружится голова. – Он опять засмеялся, легко и непринужденно. – И я знаю, что это не от вина.

– А от чего же?

– От тебя. Я опьянен тобой. Ирочка...

Последовала профессионально выдержанная пауза, имитация нехватки дыхания от переполнявших его чувств. Сколько раз он уже проделывал это прежде. Сто? А может быть, тысячу?.. Конечно, он не шел по шаблонному пути. Обстоятельства и слова всегда были разными, как и затрагиваемые им темы. Но их объединяло одно. То, как он говорил это. Отточенные, доведенные до совершенства взгляды, движения...

– Я должен сказать тебе кое-что еще...

– Что?

Вот оно! То ощущение, когда наживка уже заглочена и остается только подсекать...

Нет, это было не совсем точное сравнение. Он не любил рыбалку и презирал тех, кто находил в ней отраду. Куда больше его прельщала охота. Когда ты идешь по густому, наполненному целой гаммой ароматов лесу. В руках у тебя прохладное древко ружья. Палец спокоен, но в то же время в постоянной готовности возлежит на спусковом крючке...

Или хоккей! Он частенько сравнивал отношения с женщинами с хоккеем. Какая точная аналогия. Прорываешься в зону, обыгрываешь защиту. Легкая перепасовка с левым крайним, и вот ты уже выходишь один на один... Ложный выпад, голкипер на льду... Осталась такая мелочь. Просто подсекаешь шайбу и небрежно швыряешь ее в левый верхний угол.

– Я думал, что мое сердце давно уже умерло. – Прожигающий насквозь взгляд упирается ей в переносицу. На этот раз не в глаза, а именно в переносицу. Собеседница деморализована. Она подсознательно пытается уловить, куда направлен твой взгляд, ищет его, но не находит. – Тот человек, о котором я упомянул... Это была девушка. Уникальная, замечательная, прекрасная девушка. Такая же замечательная, как и ты. И...

– Что?.. – Она опять не выдерживает.

– Я потерял ее. Шесть лет назад. Да, уже почти шесть лет.

– Она ушла?

– Ушла. Навсегда. Она умерла.

Ирина испуганно отшатнулась, ее рука машинально взметнулась вверх с намерением прикрыть рот ладошкой. Он с затаенным интересом наблюдал за тем, как на ее лице одно чувство сменяется другим. Наконец в ее глазах обозначилась жалость, смешанная с симпатией.

– Мне очень жаль, – тихо молвила Ирина.

– Мне тоже. Вместе с ней тогда умер я сам. Замкнулся в себе. Ушел в вакуум. Я просто существовал по инерции... И вдруг я вижу тебя. – Его зрачки блеснули, и он знал, что она не могла не уловить этот блеск. – Это как луч, прорезавший мое темное безрадостное существование. Я наполняюсь положительной энергетикой, она растекается по моему телу, и я чувствую...

Последний, кульминационный момент. Подсечка шайбы и бросок. Нажатие на курок и выстрел. Его сознание ликovalo. Он почти физически ощущал прикосновение к ее сердцу. Он мог бы в этот момент точно предсказать ритм ее пульса.

– Я снова чувствую себя... И любовь, вихрем ворвавшуюся в мою душу, в мое сердце. Этот ураган сметает сейчас все на своем пути. Превращает в пыль глыбы льда, которые шесть лет воздвигались с таким усердием. Как это было глупо!

– Что было глупо? – Ирина сглотнула набежавший в горло от волнения предательский ком.

– Все, – ответил он, и его бесконечно блуждающие тонкие, как у пианиста, пальцы сомкнулись наконец на ножке пузатого фужера. – Все мое прошлое. С этим нужно кончать. Я знаю это... У меня есть тост, Ира!

Он будто бы неосознанно перескакивал с одной мысли на другую, создавая у нее впечатление, что они сейчас целым роем носятся у него в голове и ему невероятно трудно выхватить из этого общего хаоса нечто стоящее. Еще один испытанный прием. Обрывки недосказанных фраз выстреливают точнее, чем целые витиеватые предложения. Но тоже не всегда. Возможно, интуиция вела его к тому, как следует строить предложения при тех или иных обстоятельствах. Сказывался и многолетний опыт, приобретенный на столь непростом, но удивительно приятном поле деятельности.

– Какой тост?

– Прости за банальность. – Его глаза сошлись в едва заметном прищуре. В уголках обозначились коротенькие и острые лучики морщин. Он подался влево, и свеча отбросила тень на его лицо. Он знал, что в таком положении его черты становились более яркими, броскими, насыщенными. – Но мне хотелось бы выпить за тебя. За прекрасную, неподражаемую женщину, способную изменить мировоззрение простого смертного, разрушить былые приоритеты. За твоё совершенство! – Он поднял фужер с вином. – И за мою мечту!

– За какую мечту?

В душе у Ирины творилось самое настоящее светопреставление. Она плыла по волнам любви, слегка покачиваясь по мере движения, взрывалась, таяла и вновь обретала под ногами твердую почву.

– Каждый мечтает столкнуться в своей жизни с совершенством, – без тени улыбки заявил он и пригубил глоток вина.

Ира последовала его примеру.

– Тем более человек моей профессии...

Девушка удивленно вскинула брови. Странно, но она до сих пор не успела поинтересоваться, чем он занимается. Какая у него профессия? Невысказанный вопрос застыл на устах. У столика появилась официантка.

Глава 2

– Гордеева Ирина Владимировна, тысяча девятьсот восемьдесят второго года рождения. – Крячко недовольно поморщился и протянул Гурову через стол снимок молодой симпатичной особы с рассыпчатыми каштановыми волосами. На фото девушка открыто улыбалась, и в ее карих глазах метались озорные бесенята. – Совсем еще юная. Двадцать три года. Впрочем, почти такой же возраст мы наблюдали...

– ...и у всех предыдущих девушек, – закончил за товарища сыщик. Фотография легла перед ним на поверхность рабочего стола, и Гуров сосредоточенно вгляделся в неподвижно зафиксированное камерой лицо. – Это уже четвертое заявление о без вести пропавшей за последний месяц. Разброс в возрасте пропавших составляет два-три года. Первой девушке был двадцать один, второй – двадцать шесть лет, третий – двадцать три. И вот теперь еще одна. Ей двадцать три года.

Слева от Гурова лежали две серые папки, по краю которых он демонстративно постучал остро оточенным кончиком карандаша.

– Значит, полагаешь, эта история из той же серии? – Крячко откинулся на спинку стула.

История с тремя пропавшими девушками, к которым сегодня, судя по всему, добавилась еще и четвертая, висела над ними, как дамоклов меч, уже несколько недель. Упомянув месяц, Гуров явно поскромничал. Речь шла о пяти неделях. Крячко помнил это совершенно точно. Трех исчезновений оказалось достаточно для того, чтобы город заговорил об этом. Газеты на все лады пустились вещать о новом серийном маньяке, поселившемся где-то в центре столицы. И кто запустил подобную утку? Впрочем, известно кто... Лично он, полковник Крячко, пока не видел никаких поводов для паники. Исчезновение молоденьких девушек – далеко не редкость, и в семидесяти процентах из ста эти вольнодумные барышни возвращались под родительский кров по истечении того же месяца. Нагуляются, оторвутся, как у них принято выражаться, по полной программе, и делу конец. Здравствуй, мама! Здравствуй, папа!

Но папа Светланы Сидько, первой исчезнувшей девушки, как назло, оказался скандально известным журналистом, освещавшим в прессе криминальные сводки. Вот он-то и поднял с ходу волну, обеспокоенный неожиданным исчезновением единственного и глубоко любимого чада.

– Очень на то похоже, – ответил Гуров. – Не возьмусь, конечно, во всеуслышание кричать, как этот Сидько, что это проделки серийного маньяка, но нельзя и сбрасывать со счетов подобную версию.

– Что общего между пропавшими? – Крячко демонстративно зевнул и не удосужился при этом даже тактично прикрыть рот широкой лопатообразной ладонью. – Ну, кроме того, что все они были приблизительно одного возраста и недурны собой.

– На первый взгляд вроде бы ничего, – пожал плечами Гуров. – Сидько нигде не училась и не работала, круг ее общения довольно ограниченный. Две-три подруги, с которыми она водит дружбу еще со школьной скамьи. Я успел побеседовать с ними, но ничего полезного о самой Светлане из их показаний не извлек. Мужского общения вроде даже как избегала... Татьяна Прыткунова, вторая пропавшая девушка, напротив, серьезная и ответственная особа. Вся в учебе. Училась на романо-германском. У нее был молодой человек. Тоже интеллигентный такой товарищ... Учился на пару курсов старше Татьяны. Сейчас уже окончил. Работает в банке. Далее у нас, – полковник быстро раскрыл одну из папок и заглянул в ее содержимое, – Филоретова Марина. Студентка театрального училища. Перспективы у нее, правда, были не такие уж и обнадеживающие. Большую часть времени она предпочитала проводить в ночных клубах и на так называемых тусовках. Очень, кстати, распространенное сейчас времяпрепровождение, Стас.

Крячко небрежно махнул рукой. Косые лучи солнца, преломленные оконным стеклом, падали ему на лицо, и это обстоятельство навевало на верного напарника Гурова полусонное состояние. Крячко не очень любил лето, жару. Куда больше по душе ему были пасмурные осенние деньки, когда по мостовым барабанят пузырящиеся капли дождя, а ты сидишь себе в сухом уютном кабинете и созерцаешь все это буйство природы через окно.

– Ты знаешь о том, что становишься занудой? – небрежно обратился он к Гурову.

– Это еще почему?

– Я только спросил тебя, есть ли что-то общее между пропавшими девушками, а ты едва ли не рассказал мне всю их биографию. Просто скажи: есть ли у них какие-то точки соприкосновения?

– Нет. Видимых нет. – Полковник покачал головой. – Пока нет. Но они должны быть, Стас. Тебе так не кажется?

– Конечно, кажется. – Крячко расстегнул ворот своей просторной рубашки. – А еще мне кажется, что нам пора пойти перекусить. Я сегодня с утра только два бутерброда успел заглотить. Желудок просто бунтует.

– Боюсь, ему еще придется какое-то время побунтовать, – безапелляционно заявил Гуров, поднимаясь из-за стола. Попутно он бросил взгляд на свои наручные часы. – Сейчас смотаемся в одно местечко и побеседуем кое с кем.

– Куда это ты намылился?

– Не я, а мы, Стас!

– Тревожное обобщение, и оно меня несколько не радует, – промычал Крячко, сдвигая брови к переносице. – Но я уже привык к тому, что ты и шагу ступить без меня не можешь. Везде приходится водить тебя за ручку. Как дитя малое...

– Ты закончил? – Гуров снял со спинки стула пиджак, облачился в него и только после этого развернулся лицом к сидящему напарнику.

– Куда мы едем?

– Нанесем визит вежливости госпоже Гордеевой Марине Иннокентьевне, – любезно пояснил Гуров. – Матери пропавшей Ирины. Заявление – это хорошо, но личная беседа...

– Я тебя понял. А нельзя это сделать после обеда? – не сдавался Крячко.

– Нельзя. Ты же знаешь, я не люблю размазывать кашу по тарелке.

Крячко шумно выпустил воздух из легких. Спорить с Гуровым – занятие пустое и бесполезное, не имеющее под собой никаких реальных перспектив. Теперь хочешь ты того или нет, а придется тащиться за не ведающим усталости напарником в самый солнцепек и выслушивать слезливые истории убитой горем матушки о том, какой хорошей и правильной во всех отношениях была ее девочка, которой никогда не пришлось бы в голову покинуть родной дом по собственной инициативе.

Гуров уже был на пороге собственного кабинета, и рука его уверенно легла на плоскую блестящую ручку. Он призывно обернулся к напарнику. Крячко оставил невеселые размышления и подчеркнуто неторопливо поднялся на ноги.

По лестнице они спустились на первый этаж и миновали стойку дежурного. Упитанный мужчина с широкими седеющими усами приветливо махнул им рукой. Гуров ответил, Крячко равнодушно прошествовал мимо.

Яркое июльское солнце, остановившееся в зените, нещадно слепило глаза и тяжело впечатывало свою огненную длань к макушкам прохожих. Нынешнее лето действительно выдалось на редкость знойным, и мало кто из столичных обывателей стремился показываться на улицах в полуденные часы. Вообще Москва в разгаре июля выглядела опустевшей. Большинство населения переместилось на курорты, поближе к благодатным морским пучинам. Те, кто побогаче, вылетел в направлении Египта, Испании, средний класс потянулся к Черному и Азовскому морям.

– Ловить маньяка – затея бесполезная, – пессимистически изрек Крячко, когда оба полковника уже забирались в душный салон автомобиля.

– Это еще почему? – вскинулся Гуров, хотя и так мог заранее предугадать ответ товарища.

– Так говорит история, а не я.

– Что же она тебе говорит?

– Что маньяки попадают лишь в самых редких случаях. На то он и маньяк, что логика обычного преступника в его действиях отсутствует.

– Совершенно с тобой не согласен, – покачал головой Гуров.

Все окна машины были открыты, но это не спасало положения. Врывавшиеся в салон легкие дуновения ветерка не успевали освежать пассажиров.

– Большинство маньяков тоже имеют свою определенную схему действий, по которой они выбирают жертву и наносят удар. – Гуров произносил слова медленно и с заметной расстановкой. – Нужно только отследить эту схему, и считай, он у нас как на ладони.

– Надо запустить живца, Лева, – вынес предложение Крячко после непродолжительной паузы.

– Отличная мысль. Возьмешься за это дело? Ты, конечно, не так молод и привлекателен, как пропавшие девушки, но вдруг он клюнет.

– Очень смешно. – Расположившийся на заднем сиденье напарник достал из кармана платок и промокнул им раскрасневшееся лицо. – А почему, к примеру, не ты?

– У меня отсутствует элемент жеманства. – Но уже в следующую секунду лицо Гурова приобрело серьезный оттенок. – Эх, Стас! Знать бы, где упадешь, соломка уж наверняка нашлась бы. Но где ее стелить? И главное, ради кого?

– Значит, ты тоже еще до конца не веришь в существование мифического маньяка? – Последние слова Гурова заставили Крячко несколько приободриться. – Есть сомнения?

– Человеку свойственно сомневаться, – с претензией на философию, невозмутимо парировал Гуров. – Но волна уже поднята, Стас. Общественность негодует, пресса охвачена этой темой благодаря малоуважаемому господину Сидько. И теперь нам необходимо либо предоставить им этого маньяка на блюдецке с голубой каемочкой, либо доказать его полное отсутствие. И то другое сделать одинаково сложно. Разве я не прав?

– Прав. Как всегда, прав.

Крячко перевел мрачный взор за окно автомобиля. Солнечные зайчики отплясывали свои пируэты на монолитных высотных строениях, бликовали многочисленные стекла домов, навстречу проносились такие же неторопливо двигавшиеся к неизвестной цели автомобили с раскаленными от жары металлическими корпусами.

Гордеевы проживали на Магистральной, и весь путь оперативников до дома Марины Иннокентьевны занял не менее получаса. Рубашки Гурова и Крячко промокли насквозь, хоть выжимай! За пределами покинутого салона было немногим лучше. Казалось, что от вездесущих палящих лучей не существовало никакого реального спасения.

Гуров машинально расстегнул пиджак и направился к нужному подъезду. Крячко последовал за ним. Из заявления гражданки Гордеевой следовало, что она по данному адресу проживала вдвоем с дочерью. Во всяком случае, пока Ирина не растворилась где-то в огромном мегаполисе.

Обитая стареньким коричневым дерматином дверь располагалась напротив кабины лифта. Гуров уверенно надавил кнопку звонка. В недрах квартиры его незамысловатое действие отозвалось переливчатой трелью простуженной птицы. Затем полная тишина. Гуров позвонил еще раз. Послышались приближающиеся шаркающие по полу шаги и замерли с противоположной стороны двери. Полковник представил себе, с каким вниманием хозяйка разглядывает их сейчас через глазок, и слегка улыбнулся уголками губ.

– Вам кого? – Голос у обитательницы квартиры был низкий и чуть надломленный.

– Марина Иннокентьевна, если не ошибаюсь? Откройте, пожалуйста. Мы по поводу вашего сегодняшнего заявления.

При последних словах Гурова женщина уже щелкнула замком и приоткрыла дверь. Но только на то расстояние, которое было возможным при брошенной металлической цепочке.

– Документы у вас есть?

Свет из окна подъезда падал на лицо Гордеевой, и полковник легко мог разглядеть полные губы, маленький нос, светлые миндалевидные глаза. Кажется, серые. Марина Иннокентьевна была женщиной невысокого роста, сухощавой, с неестественно короткой шеей.

– Да, конечно.

Гуров выудил из внутреннего кармана пиджака свое служебное удостоверение, раскрыл его и выставил перед образовавшимся дверным зазором, чтобы подозрительная хозяйка имела возможность лицезреть его документ во всей красе. Понять Марину Иннокентьевну было несложно. Сейчас, в связи с нестабильной криминогенной обстановкой, многие опасались гостеприимно открывать двери своего жилища незнакомым людям. Тем более двум крепким высоким мужчинам. Мало ли что?..

Однако удостоверение Гурова, видимо, не вызвало недоверия со стороны Гордеевой.

– Проходите, – сказала она, открывая дверь.

Оба полковника по очереди переступили порог и оказались в тесной, душной прихожей, пространство которой в значительной степени ограничивал высокий, уходящий под потолок двустворчатый шкаф. Для чего двум обитательницам однокомнатной квартирки могла понадобиться такая махина, Гуров понять не мог. Вполне можно было бы обойтись демократичной вешалкой. И свободного места осталось бы куда больше.

– Вы не будете против, если я приглашу вас на кухню? – смущенно произнесла Марина Иннокентьевна. – В комнате у меня не прибрано. Так уж получилось. Сейчас все буквально валится из рук, не могу толком сосредоточиться. Да там нам и удобнее будет беседовать. Хотите чаю?

– Нет, спасибо, – тактично отказался Гуров и покорно двинулся на кухню вслед за Гордеевой.

За ним потянулся и Крячко.

Женщина усадила гостей за стол и сама примостилась с краешку, спиной к холодильнику. Сейчас, при более близком рассмотрении, Гуров обратил внимание на то, что Марина Иннокентьевна не так уж и стара, как это показалось ему на первый взгляд. Ей было никак не больше пятидесяти лет. Однако обозначившиеся под глазами мешки от проведенных бессонных ночей, прорезавшие лоб лучики морщин, красные то ли от недавних слез, то ли от повысившегося кровяного давления белки глаз – все это сказало Гурову о том, что исчезновение дочери сильно подкосило женщину. Надломило ее не только внешне, но и внутренне.

– Марина Иннокентьевна. – Полковник откашлялся и положил руки на стол, сцепив пальцы в замок. – Если вам несложно, расскажите нам, что произошло. Начните с того, что предшествовало исчезновению Ирины.

Крячко маялся от духоты, и носовой платок в его правой руке находился в непрерывном движении. Он то скользил по мощной, блестящей от пота шее, то устремлялся к высокому покато лбу и слегка посеребренным сединой вискам, то осторожно промокал выступающую влагу над верхней губой.

Опустив взор, Гордеева молчала больше минуты, прежде чем оперативники вновь смогли услышать ее низкий, совсем неженственный голос.

– А что тут можно рассказать?.. Ирочка пропала в понедельник. Днем она была в училище...

– Где она учится? – прервал Гордееву Гуров.

– В училище финансов. Ирочка готовится стать бухгалтером. – Женщина демонстративно дернула подбородком и на какое-то мгновение отрешилась от насущных проблем. – Сейчас ведь это вполне престижная профессия... Хороший бухгалтер на вес золота. Вон в любую газету загляни, и везде требуются...

Гуров продолжал пристально разглядывать хозяйку квартиры. Марина Иннокентьевна, как уже знал полковник из ее же собственного заявления, по профессии была обычным вахтером в каком-то полурасформированном Доме культуры. Неудивительно, что она во многом сохраняла старые совдеповские взгляды на жизнь и на то, что сейчас является приоритетным.

– Да, это верно. – У него не было ни малейшего желания дискутировать на эту тему. – На каком курсе сейчас Ирина?

– Перешла на четвертый. В следующем году уже должна окончить. Сессию сдала на «отлично». Знаете что говорил мне о ней педагог по бухучету?

Невольно складывалось такое впечатление, что женщина готова была говорить о чем угодно, за исключением того, что действительно интересовало пришедших к ней людей. Возможно, это была форма защиты от свалившейся на нее неприятности, но Гуров решил проявить жесткость.

– Марина Иннокентьевна, – твердо произнес он, – это все понятно. И я обещаю вам, мы непременно потолкуем на эти темы, когда выясним основное. А сейчас вернемся все-таки к самому факту исчезновения вашей дочери. Вы сказали, в понедельник днем она, как обычно, была в училище. А что потом?

– Потом... – Гордеева чуть вздрогнула. – Потом она пришла домой, поужинала... Хотя не то чтобы поужинала. – Женщина смущенно и вроде как виновато пожала плечами, – перекусила, можно сказать, на ходу. Один или два бутерброда... Она торопилась на свидание и сказала, что поужинать у нее сегодня наверняка представится возможность. Я не стала настаивать...

– Стоп! – Полковник выставил вперед широкую ладонь с плотно прилегающими друг к другу пальцами. Словесный поток Гордеевой мгновенно оборвался, и она как-то испуганно покосилась на Гурова. – Ира собиралась на свидание?

– Да. В половине восьмого. С него-то она и не вернулась. – На глаза Марины Иннокентьевны навернулись слезы. В очередной раз она переживала в своем материнском сознании события того вечера и бессонной для нее ночи. – Я прождала ее до половины второго ночи. Затем дважды звонила ей на мобильный, но Ирочка не отвечала...

– Не отвечала на звонок или телефон был недоступен? – уточнил Крячко.

– Гудки были, – подумав пару секунд, ответила женщина. – Значит, не отвечала. Верно?

– Верно, – подтвердил Гуров. – Что было потом?

– Утром я позвонила в милицию, но мне сказали, что оснований для подачи заявления нет. Должно пройти трое суток, и я... – На этот раз она, несколько не стыдясь и уже не сдерживая себя, разрыдалась, закрыв руками лицо. – Эти три дня... Я... Господи, это кошмар какой-то...

Гуров повернулся к Крячко и молча кивнул. Напарник понял его без слов. Поднявшись из-за стола, он взял из подвешенной в углу сушилки первую попавшуюся под руку кружку, наполнил ее водой из-под крана и протянул Гордеевой.

– Успокойтесь, Марина Иннокентьевна, – неловко произнес он. – Я уверен, что ничего страшного не произошло. Иру мы отыщем...

Гуров зыркнул в его сторону и нахмурился. Крячко пожал плечами, но развивать начатую тему не стал. Гордеева трясущимися от волнения руками приняла у него чашку и стала жадно пить воду большими глотками. Плечи женщины то и дело вздрагивали. Крячко вернулся на прежнее место, но садиться не стал, встал возле стула, заложив руки за спину.

– Еще водички? – участливо поинтересовался он, когда Гордеева поставила на стол опустевшую чашку.

Она не ответила.

– За эти три дня Ира ни разу не позвонила вам? – продолжил допрос Гуров.

Гордеева только покачала головой.

– А вы ей?

– Я звонила. Постоянно... Но никакого толку. Телефон, как вы сейчас сказали, был недоступен. Ну, или выключен. Как это правильно?

Гуров пробежался пальцами по гладко выбритому подбородку. Судя по реакции Марины Иннокентьевны, ее дочь была далеко не из тех, кто мог покинуть родительский дом вот так вот, без всякого предупреждения. Или мать не все знала о ней?

– А с кем у Иры было свидание?

В этот момент полковник уже догадывался об ответе, который последует из уст Гордеевой. В противном случае имя молодого человека уже было бы озвучено не раз. Но этого не произошло.

– Я не знаю. – Она уронила голову на грудь, и ее темные нечесанные волосы, местами поблескивающие сединой, рассыпались по хрупким сутулым плечам. – У нее появился какой-то молодой человек буквально пару недель назад. Ирочка говорила, что познакомилась с ним в училище. Случайно, что ли... Вы?... Глаза Марины Иннокентьевны испуганно округлились. – Вы подозреваете, что он?..

– Я пока ничего не подозреваю, – твердо и почти сурово произнес Гуров. – Я только спрашиваю. Пытаюсь определить для себя полную картину. Она, как я понял, ни разу не называла вам имя кавалера?

– Нет, не называла. Но говорила, что он вроде бы художник...

Гуров ничего не записывал. Информации пока было немного, но он и при иных обстоятельствах привык больше полагаться на собственную память, чем на делаемые во время беседы записи. Подобные действия настораживали собеседника и вводили его порой в состояние ступора. Полковник знал это из личного опыта.

– Хорошо, пусть будет художник. – Он впервые улыбнулся Гордеевой, как бы желая слегка приободрить ее. – Вы ни разу не видели его? За две недели он ведь мог заезжать за Ириной или привозить ее домой после свидания... Он не был у вас в квартире? Машину в окно не видели, Марина Иннокентьевна?

Женщина снова покачала головой, и Гуров машинально повторил за ней это движение.

– У меня к вам последний вопрос, – сказал он. – Во всяком случае, пока. На данном этапе нашего расследования. Вы только не обижайтесь, Марина Иннокентьевна, но я должен знать. В последнее время вы не ссорились с Ириной?

– Мы никогда не ссорились. – Несмотря на предупреждение полковника, в голосе женщины все же проскользнули обиженные нотки задетого материнского самолюбия.

– И Ира не была ничем обеспокоена, раздражена, подавлена? Не замечали за ней ничего подобного?

– Все было как обычно, – заявила Гордеева.

– Хорошо. – Гуров поднялся из-за стола. – Тогда у нас пока к вам действительно нет больше вопросов. Но прежде чем уйти, я бы хотел осмотреть комнату, где жила Ира, ее вещи, может быть, записи, фотографии. Дневник, наконец. Она не вела дневник?

Марина Иннокентьевна тоже встала.

– Нет, дневника она не вела. Это мне точно известно. А насчет всего остального... Пойдемте. – Она двинулась к выходу из кухни, и Гуров с Крячко последовали за ней. – У нас, как вы уже, наверное, заметили, однокомнатная квартира. И мы с Ирочкой делим эту комнату. Это не очень удобно, учитывая то, что она далеко не маленькая девочка. В старших классах она

комплексовала по поводу того, что даже пригласить к нам никого не могла, но потом как-то привыкла, наверное. У Иры есть только свой уголок. – Гордеева невесело улыбнулась. – Но ведь это не моя вина. Верно?

– Конечно, не ваша, – живо откликнулся Крячко, останавливаясь на пороге комнаты и выдвигаясь из-за спины Гурова. – У многих жилищные проблемы и похуже...

Беспорядок, о котором изначально упоминала Гордеева, если и присутствовал в комнате, то в глаза явно не бросался. Или, может, Гурову просто было не до этих несущественных мелочей. Он лишь коротко окинул помещение взглядом, оценив продавленный плюшевый диван, низенькое кресло напротив телевизора, некогда модную и дорогую стенку с истекшим сроком годности. Чуть дальше, у левого окна, прикрытого прозрачной розовой занавеской, друг против друга стояли кровать и небольшой полированный стол производства семидесятых годов. Уголок Ирины!

Гуров прошел вперед и остановился у стола. Единственной приметой современности в этой квартире был компьютер, располагавшийся на Ирином допотопном столе. Да и то, насколько мог судить полковник, модель его была далека от последних технологий. Рядом с монитором аккуратной стопкой лежали несколько учебников по бухгалтерии. Гуров сел и включил компьютер.

– Вы позволите? – запоздало спросил он у Гордеевой, уже выдвигая верхний ящик стола и осматривая его содержимое.

– Да, конечно... Если это необходимо. – Марина Иннокентьевна пожалала плечами и взглянула на стоящего рядом с ней Крячко.

В ящике не оказалось ничего стоящего. Тетради с конспектами, зачетная книжка, ручки, блокноты. Записной книжки Гуров не обнаружил. Ничего интересного не было и во втором ящике, располагавшемся чуть ниже первого. Полковник перевел взгляд на монитор, пощелкал мышкой, вызывая содержимое жесткого диска. Папок оказалось немного. Объем винчестера практически не заполнялся.

– У вас Интернет? – Гуров не повернул головы в сторону хозяйки квартиры.

– Да, пришлось поставить месяца полтора тому назад. Ира как раз готовилась к зачетам... Денег сжирает немало, но она говорила, что ей это необходимо. Я не спорила... Ира почти всегда пользовалась им только по ночам. Говорила, что это дешевле.

Сам не зная зачем, Гуров пробежался пальцами по клавиатуре и установил связь с провайдером. Крячко подошел поближе и встал за спиной напарника.

– Что ты хочешь здесь найти?

«Продолжить с места предыдущего разъединения?» – любезно спросила у полковника машина.

Гуров решительно кликнул нужную кнопку, и на этот его призыв на экране монитора развернулось сразу четыре окна. Вернее, окно было одно, оно представляло собой поисковую систему «Яндекс», отобразившую список фирм, предлагающих работу по специальности бухгалтера, но сверху имелось еще две закладки. Гуров открыл вторую. На этот раз поиск пользователя был направлен значительно уже. Ирину явно интересовало планирование финансовой деятельности торгового предприятия. Гуров пробежался глазами по тексту и развернул следующее окно. «Изменения в Федеральном законе о торговле на 2005 год» – гласил заголовок.

Полковник покачал головой, щелкнул мышкой по последней закладке, и в его в глазах вспыхнуло некое подобие интереса. Крупными цветными буквами пользователя известили о том, что его приветствует «Служба знакомств». Ниже располагались краткие указания к действию, затем подзаголовок «Авторизация» и просьба вести свой логин и пароль.

Гуров обернулся к Марине Иннокентьевне.

– Ирина пользовалась услугами этой службы? – спросил он. – Знакомилась с кем-то через Интернет?

Гордеева несколько раз моргнула красными заплаканными глазами.

– Мне об этом ничего не известно.

– Ясно. – Полковник выключил компьютер и поднялся из-за стола. – Если Ирина свяжется с вами или появится какая-то дополнительная информация, сразу звоните мне. Напрямую. Вот телефон. – Он протянул женщине свою визитную карточку. – Как только будет что-то у нас или возникнут дополнительные вопросы, мы с вами свяжемся.

Сыщики покинули квартиру Гордеевой и спустились на улицу к автомобилю. Гуров сосредоточенно молчал, и Крячко не смог выдержать этого убийственного для него испытания.

– Чего ты так озадачился этой службой знакомств? – спросил он, прикуривая на ходу. – Думаешь, есть какая-то связь между Всемирной сетью и исчезновением девушки? Или сетуешь на то, как ты безнадежно отстал от современного прогресса? Брось, там, наверное, тоже есть какие-то возрастные ограничения, и у тебя мало шансов найти спутницу жизни таким способом. Выдадут тебе ответ, типа, обратитесь в дом престарелых. Раньше были такие клубы, вечера для тех, кому за... Может, они и сейчас существуют? Хочешь, я провентилирую для тебя этот вопрос? Могу даже компанию составить. Глядишь, и мне подфартит. А что? Я еще ничего. Мужчина в полном расцвете сил. Лева? Чего ты молчишь?

– Стас, твой солдафонский юмор сейчас совсем не уместен. – Гуров остановился у машины и ухватился пальцами за нагревшуюся на солнце ручку дверцы. – Эта служба знакомств может оказаться для нас действительно неплохой зацепкой.

– А возрастные ограничения?

– Стас!

– Ладно-ладно. Не заводись. Меня сейчас просто с голодухи ни на какие соображалки не тянет. – Крячко глубоко затянулся едким табачным дымом. – Мы едем, наконец, обедать?

– Едем.

Но не успел Гуров разместиться в салоне автомобиля, как в левом кармане его пиджака запиликал мобильный телефон. Он достал аппарат.

– Да!

Послушав невидимого собеседника минуты полторы, полковник отключил телефон и убрал его на прежнее место, перевел взгляд на соратника. Крячко напряженно смотрел на него, не ожидая ничего хорошего. Гуров улыбнулся:

– Мне жаль вас разочаровывать, пан Крячко, но похоже, что наш процесс приема пищи снова откладывается на неопределенный срок.

Крячко застонал.

– Петя звонил?

– Он. Жаждет срочно лицезреть наши физиономии.

Петей оперативники по старой дружбе величали своего непосредственного начальника, генерал-лейтенанта милиции Петра Николаевича Орлова, давно и бессменно возглавлявшего Главное управление угрозыска МВД. При известных обстоятельствах, особенно когда это касалось старых товарищей, Орлов был человеком до крайности демократичным, но если он звонил Гурову и просил его и Крячко явиться в управление пред светлые очи начальства, значит, ситуация того стоила.

Гуров догадывался о причине этого свидания и не ошибся. Когда они переступили порог генеральского кабинета, Орлов буквально выпрыгнул из-за своего стола и двинулся навстречу оперативникам. Гуров закрыл за собой дверь.

– Вы меня просто убиваете, ребята! – Петр Николаевич нервно подергал узел своего полосатого галстука, пробежался пальцами по шевелюре и только после этого приветственно пожал руку каждому из вошедших. – Вы меня без ножа режете. Я только не могу понять, за что. Что я вам такого сделал?

– Мы голодные и злые, – буркнул Крячко, усаживаясь в кресло и подпирая голову руками. – Мы сейчас не только зарезать, но и загрызть можем. Я уже пытался откусить Лева руку, но этот здоровяк так просто мне не дался.

– Я не шучу, Станислав, – жестко изрек Орлов.

– Я тоже.

– Что случилось? – Гуров тоже уселся. – У тебя такой вид, генерал, будто мы и в самом деле повинны во всех смертных грехах. Плохо спал сегодня?

Когда они оставались втроем, вне посторонних глаз, субординация, основанная на принципе «Я начальник – ты дурак», исчезала. И Гуров, и Крячко могли запросто обращаться к генерал-лейтенанту на «ты» и по имени, что нисколько не коробило слуха Орлова. Они давно друг друга знали, работали бок о бок, и то, что Петр Николаевич сумел выдвинуться на руководящую должность, нисколько не нарушило устоявшихся за долгие годы дружеских отношений.

– Нет, спал я сегодня хорошо. Превосходно спал, Лева. Замечательно. – Сам Орлов не садился, а стремительно мерил шагами собственный кабинет, перемещаясь из одного угла в другой. – Моя жизнь вообще кажется мне радостной и безоблачной до тех пор, пока не приходится являться на работу. И тут начинается...

– При таких обстоятельствах я бы не стал ходить на работу, – ввернул Крячко. – Это уже злой рок какой-то, и с ним надо бороться самыми радикальными методами. Например, послать всех...

Орлов не обратил внимания на его слова.

– Телефон не умолкает. Он у меня раскалился от постоянных звонков. И знаете, в связи с чем?

– Догадываемся, – повел плечами Гуров.

– Женщины? – высказал догадку Крячко. – Совсем ты не бережешь себя, Петя. Брось их всех к чертовой матери.

– Я сейчас тебя брошу! – Генерал наконец плюхнулся в свое кресло и свирепо зыркнул в сторону оперативника. – Причем так брошу, что ты у меня долго лететь будешь. Гуров, уйми своего приятеля, пока я сам его не унял.

– Уймись, Крячко, – улыбнулся сыщик.

– Унялся, – кивнул тот.

Орлов закатил глаза.

– Вы оба становитесь невыносимыми, – сказал он и тут же без всякого перехода продолжил: – Сидько продолжает будоражить общественность через свою газетенку. В высоких кабинетах, – генерал многозначительно поднял вверх указательный палец, – не могут не реагировать на его бурную деятельность. Вы уже знаете, что сегодня поступило заявление об еще одной пропавшей девушке?

– Конечно, знаем, – спокойно ответил Гуров. – Мы только что навещали ее мамашу и мило побеседовали с ней.

– Мило побеседовали? – вскинулся Орлов. – Что же получается, Лев? Версия о серийнике подтверждается?

– Я бы не стал забегать вперед паровоза по этому вопросу. Но не исключено.

– И девушки будут продолжать пропадать? Да? У вас есть какие-нибудь зацепки?

Гуров развел руками.

– Я так и думал! – Орлов рубанул воздух раскрытой ладонью. – А они должны быть. Мне башку снимут из-за этих девиц.

Крячко уже открыл было рот, дабы выдать очередную хохму, но генерал буквально припечатал его взглядом к креслу.

– Бросьте все и полностью мобилизуйтесь на это дело, ребята, – сурово произнес он.

– Есть, товарищ генерал-лейтенант! – Гуров встал и шутливо козырнул Орлову.

Его жест повторил и Крячко.

Глава 3

Тень от зеленой сочной листвы, наполняющей воздух ароматом свежести, падала ему на лицо. Солнце уже стремительно катилось за горизонт, окрашивая небесный купол в кроваво-красные тона. Еще каких-нибудь полчаса или максимум час, и светило полностью скроется, позволив городу окутаться сумерками.

Он неторопливо выудил из кармана новую пачку «Мальборо» и сорвал с нее целлофан. Движения были ленивыми и неспешными. Сейчас он довольствовался только ролью стороннего наблюдателя. Сигарета прилипла к нижней губе, щелкнула зажигалка, и облачко сизого дыма от прикуренной сигареты поднялось вверх вдоль его непроницаемого, будто высеченного из гранита, лица.

Парочка прогуливалась по центральной аллее парка. Девушка жалась к молодому человеку, как озябший на ветру воробушек, а он нежно обнимал ее за плечи. Они разговаривали о чем-то, но со своего места под деревом наблюдатель не мог слышать слов. Он только видел играющую на губах девушки улыбку, ее лучившиеся от счастья глаза. Иногда она смеялась. Видимо, кавалер старательно сыпал какими-то анекдотами или забавными эпизодами из жизни.

Да, с женщинами всегда так. Стоит тебе замолчать более чем на две-три минуты, и они способны счесть тебя скучным человеком. Молодой человек, всем своим видом напоминавший студента-гуманитария, облаченный в светлую рубашку с коротким рукавом и аккуратные брюки со стрелками, наверняка считал именно так. Он все время что-то говорил, опасаясь, что ее интерес к нему угаснет.

Наблюдатель усмехнулся. В его представлении подобной тактики придерживались только дилетанты. Пустая болтовня и все эти забавные анекдоты выветривались из взбалмошной девичьей головки уже через секунду. Они не имели никакого веса. Если уж ты ведешь беседу с той, чье мнение тебе самому небезразлично, надо взвешивать каждое произносимое слово. И совершенно не обязательно, чтобы их было много. Нагромождение пустой информации отягощает сознание. И гораздо важнее вести с ней внутренний диалог, который она способна прочесть в твоих глазах. Тогда она будет заглядывать в эти глаза, искать их.

Он глубоко затянулся и стряхнул пепел себе под ноги. Девушка была приятной. Красавицей, конечно, не назовешь, в его практике встречались экземпляры и получше. Но обаятельная. Очень обаятельная. Золотистые волосы, чуть вздернутый кверху маленький носик, большие, широко распахнутые глаза. На подбородке ямочка. Маленькая, едва заметная, но он зафиксировал и ее. Не мог не зафиксировать. Такие ямочки говорили о повышенной чувственности. Он разглядел ее вчера, когда расположился в кафе «Адажио» за соседним столиком, где ужинала эта парочка. Такая же ямочка на подбородке была и у Вероники... Только Вероника была брюнеткой... Нет! Он даже вздрогнул всем телом, и сигарета качнулась у него между пальцев. Это кощунство – проводить аналогию с Вероникой...

Он прикрыл глаза и глубоко вздохнул три раза, вернув привычный ритм сердцебиения.

Парочка, за которой он вел наблюдение, уже приближалась к воротам, ведущим на выход из парка. Он вышел из тени лиственного дерева и двинулся следом за ними. Красные закатные лучи осветили его выбритую голову. Он сделал это вчера. Зашел в парикмахерскую и избавился от густой, зачесанной назад шевелюры. На подбородке обозначился контур круглой мефистофельской бородки. Он считал, что этих изменений вполне достаточно. В глаза посторонних обычно бросалось только общее представление о человеке. Детали предназначались только для НЕЕ! Но это уже второй вопрос. Его он не слишком беспокоил.

Погружая поочередно в высокую, изумрудного оттенка траву черного цвета ботинки, он пересек газон и вышел на аллею. Студент-гуманитарий и его курносая подружка с золотистыми

волосами уже выходили в ворота. Пришлось заметно ускорить шаг, чтобы не потерять их из виду. Он перестраховывался, уже знал, что, пройдя по Неглинной, объекты его пристального внимания неминуемо свернут на Лермонтова и пойдут в сторону Троицкого собора. Иначе и быть не может.

С запада подул легкий ветерок. Столичная жара, господствовавшая в дневное время суток на протяжении последних двух недель, к вечеру заметно спадала, давая возможность москвичам вздохнуть с облегчением.

Он вышел на Неглинную. Парочка двигалась вниз по улице, только теперь студент не обнимал свою возлюбленную за плечи. Она интеллигентно и грациозно опиралась на его руку. Навстречу им прошел какой-то мужчина в возрасте и, уже разминувшись, вывернул голову, созерцая ее стройные длинные ноги, едва прикрытые коротенькой юбочкой и обутые в открытые босоножки на высоком каблуке. Да, посмотреть было на что! Фигурка у девушки была отменной.

Затем они миновали цветочный ларек. Студенту следовало бы раскошелиться на букетик цветов для своей дамы, но он этого не сделал, хотя девушка и бросила взгляд на красовавшиеся за стеклом чайные розы. Взгляд был быстрым и почти неуловимым, но наблюдатель его заметил. Только он, и больше никто. Щелчком большого пальца он отправил окурок в придорожную урну.

Молодая пара, а следом за ними на почтительном расстоянии и наблюдатель, приблизились к улице Лермонтова. Они свернули к собору. То же самое проделал и он. Солнце уже полностью скрылось за горизонтом. Сумерки сгущались. Он посмотрел на часы. Еще минут пятнадцать-двадцать, и парочка двинется к дому девушки. Кавалер пойдет ее провожать. Наблюдатель ждал именно этого момента.

У Троицкого собора студенты остановились, задрав головы вверх, разглядывали золотистые купола, увенчанные православными крестами. О чем они говорили в этот момент? Какие мысли одолевали каждого из них?

Он вспомнил собственные студенческие годы. Впрочем, он учился не здесь, не в Москве, но студенты разных городов России мало чем отличаются друг от друга. Почти все в этом возрасте подвержены романтике. Восемь лет назад не был лишен этой романтики и он... Тогда вся жизнь виделась ему иначе. И он мечтал о красивом, помпезном венчании с любимой девушкой в такой же вот церкви, когда даются священные клятвы перед алтарем... Перед лицом всевышнего... Он написал тогда для себя свою клятву и собирался произнести ее. Видит бог, собирался. Перед глазами вновь возник образ Вероники.

Он стиснул зубы. Теперь все в прошлом. Он уже не тот, каким был прежде. И никогда им не станет. Теперь он – Охотник. Так звали его те немногие, кто был знаком с ним лично, и таковым он считал себя сам. Охотник, отслеживающий свою очередную жертву.

Зрачки его сузились, когда он сфокусировал взгляд точно на спине златовласой девушки. Она развернулась в профиль. На этот раз на губах ее не было улыбки. Напротив, лицо серьезное и сосредоточенное. Что же так действовало на нее? Близость священного места или у кавалера иссяк запас анекдотов?

Студент склонился и поцеловал ее в висок. Девушка мгновенно прижалась к нему. Они пошли дальше, мимо собора к трамвайным путям. Да, он шел ее провожать. Она жила там, на Рижской, в высоком монолитном доме с располагавшимся в торце мебельным магазином.

Наблюдатель снова взглянул на часы. Пора! Он развернулся и быстрым шагом пересек маленький сквер с памятником Марксу на главной аллее, уже скрытый вечерний мглой. Обошел высокий монолитный дом с противоположной стороны и остановился у мебельного магазина.

Заметив его присутствие в заранее оговоренной точке, из сумерек материализовались две крупные плечистые фигуры. Он стоял и молча наблюдал за их приближением. Один из

амбалов, парень лет двадцати пяти, в просторной шелковой рубашке и джинсах, был блондином, второй, в спортивных трико и синей майке-борцовке, – брюнетом. Он демонстративно поигрывал на ходу своими рельефно выступающими бицепсами.

– Они идут, – просто произнес Охотник, когда колоритная парочка остановилась рядом с ним.

Он не уступал им в росте, но проигрывал в комплекции.

Блондин кивнул.

– Как насчет денег?

– Вот. Половина сейчас. Половина после того, как сделаете дело. И смотрите, не переусердствуйте. Я не хочу, чтобы парнишка крякнул. Ясно?

– Конечно, ясно, – теперь уже ответил брюнет. – Мы же не звери.

Да, они не звери. Он знал это. Обычные культуристы, помешанные исключительно на красоте своего тела. Таких в Москве хватало с избытком, и, в сущности, они являлись безвредными созданиями. Этих двоих он нашел в спорткомплексе «Атлетика». Он никогда не видел их прежде и не сомневался в том, что ему не доведется встретить их в будущем. Он просто предложил им непыльную работенку, пообещав по сотне баксов наличными на каждого. Предстоящие действия он мотивировал тем, что его подруга бросила его ради какого-то умника-аспиранта, не способного постоять за объект своей любви, а он с помощью этих крепко сбитых атлетов покажет ей все наглядно. Обычная демонстрация.

– Потом все делаем, как договаривались, – напомнил он клубным культуристам. – Повторная встреча на этой же точке. Я отдам вам еще сотку, и разойдемся.

Блондин снова кивнул. Вчера они все это детально отрепетировали. Охотник знал, что весь сегодняшний спектакль пройдет как по нотам. Сомневаться в успехе не было никаких оснований.

Он чуть вышел из-за угла и взгляделся во мрак, достал из кармана сигареты.

– Курите? – протянул он раскрытую пачку культуристам.

– Нет.

– Я в этом и не сомневался.

Он открыто улыбнулся и закурил. Выпустил в сторону густую струю дыма. Сизое облачко завертелось в воздухе, подгоняемое вечерним ветерком. Он затаился еще раз, небрежно придерживая сигарету большим и указательным пальцами.

Они вышли из-за угла. Девушка все так же держала своего кавалера под руку. Одна из прядей ее золотистых волос покоилась у него на плече.

Охотник качнул головой, и по его команде оба амбала устремились наперерез влюбленной парочке. Их могучие спины на несколько секунд перекрыли ему обзор, и теперь он не мог видеть курносое лицо своей потенциальной жертвы.

Глава 4

– И почему же вы так решили, мистер Шерлок Холмс? – Полковник Крячко отправил в широко раскрытую пасть добрый кусок сэндвича с ветчиной и тут же принялся перемалывать все это своими крепкими от природы зубами. Приложился губами к горлышку полулитровой пластиковой бутылки кока-колы, запил еду. – Почему именно служба знакомств? Разве молодые люди уже не способны так просто знакомиться на улице? По старинке, так сказать. Я вот в свое время...

– Неважно, что делал ты в свое время, – перебил соратника Гуров, налегая на французский салат с грибами. – Я верю, что ты был ого-го какой ловелас и сердцеед. Ты и сейчас такой. Успокойся. Но мы говорим сейчас не о твоих любовных победах и о не том, кто и как умеет знакомиться. Я не настаиваю на своей версии, пойми. Я просто беру ее в качестве рабочей и хочу проверить. Мы ведь пытались с тобой найти что-то общее, что связывало бы этих четырех девушек. И до сих пор не добились никакого конкретного результата. Точек соприкосновения вроде бы нет. Вот я и подумал: а что, если это Интернет? Почему нет? Стоит копнуть в этом направлении. И хуже от этого никому не станет.

– Я не люблю компьютеры. – Станислав уже полностью затолкал сэндвич в рот и потянулся за вторым. – И не умею с ними общаться.

– Я и не просил тебя об этом. Не собираюсь я делать из тебя программиста. Просто давай прикинем...

Закусочная быстрого питания, расположенная неподалеку от здания Управления уголовного розыска, куда сумели-таки заскочить оперативники после беседы с Орловым, представляла собой вполне современное и уютное во всех отношениях заведение. Чистенькое, опрятное, с качественным обслуживанием. Гуров облюбовал его всего месяц тому назад, но вот Крячко был далеко не в восторге. В отличие от напарника, который предпочитал не тратить драгоценного времени на посещение более отдаленных мест общественного питания, Станислав негативно высказывался в адрес поспешного насыщения желудка. Как правило, он любил трапезничать вдумчиво и целенаправленно. Для него это был целый процесс.

– ...дома у пропавшей Ирины Гордеевой оказывается компьютер. Вещь, полностью выбивающаяся из общего колорита скучной обстановки, – пережевывая пищу, Гуров, казалось, вел разговор сам с собой. Ему вполне было достаточно того, что Стас хотя бы слушает его. – Девушка пользовалась Интернетом. Да, допустим, ей это было необходимо для учебы. Разные бухгалтерские документы, изменения. Все это я видел. Но у нее также обнаруживается интерес и к службе знакомств. С кем она там знакомилась, Стас? С какими лицами входила в виртуальный контакт? Ответы на эти вопросы могла бы нам дать сама Ирина. Но ее нет. А у нас нет кода доступа к ее странице на данном сайте. У Светы Сидько наверняка имеется дома компьютер. Во всяком случае, у ее отца. То же самое стоит проверить и в отношении других девушек. Интуиция подсказывает мне, что этот сайт тут при делах. Ты не находишь, Стас?

– Я пока ничего не нахожу.

– Нам пора разделиться, пан Крячко, – заявил Гуров, вытирая руки салфеткой. – Я возьму на себя личность третьей по счету пропавшей девушки, Марины Филоретовой. А вернее, личность ее ближайшей подруги Катерины. Помнишь ее? Невысокая пухленькая брюнетка, озабоченная вопросами человечности. – Полковник слегка улыбнулся. – Придется в очередной раз потерпеть ее болтовню с отдаленным философским уклоном...

– Хватит темнить, Гуров. Какую пакостную роль ты уготовил мне на этот раз?

– На тебе Сидько...

– Нет, только не это! – Крячко демонстративно вскинул вверх руки, изображая полную капитуляцию.

– Да, брат, да, – покачал головой соратник. – Иного нет у нас пути. Слышал такую песню?..

– А почему, к примеру, не ты идешь к Сидько с визитом? – не сдавался Станислав. – А я уж, так и быть, избавлю тебя от общения с пухленькой.

– Стас, не разбегайся, прыгай. – Полковник свел брови в области переносицы. – У тебя нервы покрепче, чем у меня. Вот и банкуй. Все. На этом наше маленькое заседание можно считать закрытым.

Он поднялся из-за столика, но Крячко не спешил последовать этому примеру. Гуров только равнодушно пожал плечами.

– Заканчивай трескать бутерброды и берись за дело. Не забудь держать со мной связь. – Он приложил ладонь к уху, изображая телефонные переговоры.

Станислав что-то буркнул в ответ, но Лев уже не слышал его. Миновав крутящуюся стеклянную дверь кафе, он вышел на улицу.

С Екатериной Чельшковой полковник встретился у здания театрального училища имени Щепкина, где училась она и пропавшая неделю назад Филоретова. Девушка была в легком простеньком сарафанчике и стареньких коричневых сандалиях на босу ногу. В таком наряде жара ей была явно не страшна. Она колобком скатилась со ступенек навстречу Гурову и по-мужски протянула руку для приветствия.

– Здравия желаю! – громко произнесла Катя, когда полковник вынужденно ответил на ее приветствие. – Что нового? Нашли Маринку?

– Пока что нет, – признался Гуров. – У вас найдется минутка, Катюша? У меня к вам появились новые вопросы.

– Разумеется. Сегодня, как это ни странно, я свободна до вечера. Мастерство отменили по причине... Впрочем, неважно, по какой причине. – Она слегка отвела взгляд в сторону, вроде как нечаянно сболтнула лишнего, но тут же вернулась в привычное для себя состояние жизнерадостности и влюбленности в окружающий мир. – Сегодня погода потрясающая. Давайте прогуляемся немножко. Если вы не против, конечно. Скажу вам по секрету, я даже рада удрать оттуда. – Катя качнула головой в сторону здания театрального училища. – Подготовка самостоятельных этюдов. Народ это любит. Так сказать, творить по собственному разумению. Я – не сторонница. Творческая инициатива – это, конечно, прекрасно, но во всем должна присутствовать рука педагога. Твердая, направляющая рука. Вы понимаете, о чем я, товарищ полковник?

Чельшкова взяла Гурова под руку, как своего заштатного кавалера, и покатила рядом с ним по направлению к парку.

– Вполне. – Он кивнул головой. – Только если вам не сложно, Катя, зовите меня Львом Ивановичем. Не надо «товарищ полковник».

– Хорошо. – Эта маленькая пышка в просторном сарафане звонко засмеялась и кокетливо повела плечиками. – Как скажете, Лев Иванович. Хотя, согласитесь, «товарищ полковник» звучит как-то более мужественно. И вам больше подходит. Вы ведь в некотором роде – адепт.

– Почему адепт? – Гуров уже немного жалел, что не отправился с визитом к журналисту. Стас, бесспорно, нашел бы с этой особой общий язык гораздо проще.

– Ну, как же? Адепт закона. Адепт порядка. Благодаря таким, как вы, на этой умирающей планете еще сохраняется относительный мир. Помните, я говорила вам об этом в прошлый раз?

– Помню. Но до сих пор так и не уяснил: почему эта планета умирающая? Лично я предпочитаю считать, что живу и работаю в благополучной атмосфере.

– Я поражена! – воскликнула Катя, вскидывая кверху свое круглое некрасивое лицо и подставляя солнцу обильно проступающие на носу и щеках веснушки. – Просто поражена! Благополучная атмосфера! И это говорит человек, который едва ли не на протяжении всей

своей жизни борется со злом. Зло поработило нас всех! Взять, к примеру, ту же Маринку. Где она сейчас? Что с ней?

– Ты полагаешь, что она угодила в беду? – Гуров был рад возможности подступиться к интересующему его вопросу. Пусть даже и столь неуклюже.

Катя остановилась. Ее рука выскользнула, и теперь она, развернувшись, смотрела прямо в глаза оперативному работнику. Гуров прочел на ее лице искреннее, неподдельное изумление.

– А вы полагаете, что нет?! По-вашему, Лев Иванович, выходит, что человек может просто взять и исчезнуть? Вот так просто, за здорово живешь. Вы считаете, что Марина сама себя похитила?

– Я хочу сказать, что пока нет никаких доказательств, свидетельствующих о факте похищения, – мягко, но уверенно парировал полковник. – Наша работа – это работа с голыми фактами, Катюша. Сам я могу думать бог весть что. На уровне интуиции или еще чего-то в этом роде, но... Скажите-ка мне лучше, а Марина никогда не пользовалась услугами службы знакомств в Интернете?

Чельшкова растерянно захлопала глазами. Неожиданный вопрос Гурова явно обескуражил ее и сбил с толку.

– А почему вы об этом спросили? – поинтересовалась она после небольшой паузы.

– Возможно, это как-то связано с ее исчезновением. Заметьте, – улыбнулся полковник. – Я снова говорю вам «возможно», а не утверждаю этот факт.

– Да, я поняла. Из-за отсутствия прямых доказательств...

Гуров заметил, как изменилось настроение девушки. Она даже внешне стала вроде бы меньше ростом, хотя это и было совершенно невозможно. Обычная жизнерадостная улыбка сползла у нее с лица, голова опустилась на грудь, дыхание утяжелилось.

– Что с вами, Катя? – Гурову даже пришлось чуть склониться к ней. – Вы...

– Подождите, Лев Иванович. – Она выставила перед собой свою пухлую ладошку с короткими пальцами. – Дайте мне немного перевести дух и собраться с мыслями. Дело в том, что мы с Мариной действительно пользовались услугами интернет-знакомств, но... Господи, это ведь была моя идея!.. И если окажется, что это как-то связано... Нет! Нет, – она решительно покачала головой, – этого не может быть, Лев Иванович.

– Почему?

– Понимаете... Как вам объяснить... – Чельшкова зачем-то растерянно оглянулась по сторонам. Смотреть полковнику в лицо она теперь избегала. – Это ведь не совсем служба знакомств. Нет, я знаю, что при ее помощи многие знакомятся, начинают встречаться, может быть, даже заводят серьезные отношения. Но мы с Маринкой делали это не ради знакомств.

– А ради чего?

– Ради общения. Просто интересно было переписываться с ребятами из других городов и даже из других стран. Нас это развлекало... и не только. Расширялся кругозор. Наша жизнь пресна, Лев Иванович. – Теперь девушка вроде как стремилась оправдаться за свои действия. – Пресна до безобразия. Ужас какой-то. И в перерывах между занятиями мы с Маринкой стали забегать в интернет-кафе. Здесь неподалеку, за углом. «Вечность» называется. – Чельшкова слегка усмехнулась. – Не самое плохое название, когда соприкасаешься со Всемирной сетью, не правда ли?

Гуров ничего не ответил. Он молча ждал продолжения.

– У нас это вошло в привычку. Нырять в «Вечность», отдаешь полтинник за час и строишь сообщения во все уголки земного шара. Тебе отвечают... Общение. Почти как живое.

Они так и не дошли до парка и стояли сейчас в метре от перекрестка, как раз под прямыми палящими лучами солнца. Гуров чувствовал дискомфорт от того, что ему припекало макушку. Но исповедь Кати заинтриговала его. Он еще и сам не мог понять чем, но заинтриговала. Это бесспорно.

– Но здесь не может быть связи с Маринкиным исчезновением, – решительно резюмировала Челышкова.

– С чего такая уверенность, Катя?

– Мы никогда ни с кем не встречались... Визуально, я имею в виду... Была только переписка. И больше ничего...

Гуров потянулся в карман за сигаретами, но передумал. Провел рукой по нагретой макушке.

– А может быть, Марина встретила с кем-то из тех, с кем вела переписку, а вам об этом ничего не сказала? – спросил он. – Или... Не успела сказать.

– Зачем ей это было нужно?

– Ради интереса. Понравился кто-то. Да мало ли причин.

– Исключено, – покачала головой Челышкова. – У Маринки был кто-то. Я его не знаю и ни разу не видела. Он дальнбойщик. Ну, я рассказывала вам о нем в прошлый раз. В Москве бывает, можно сказать, набегами... Не самая удобная партия, я согласна. Но ее это, видимо, устраивало. Так чего же еще?

– Они давно вместе?

– Нет, не очень. У них и было-то всего два или три свидания. В перерыве между рейсами. – Перехватив взгляд полковника, Катя поспешно добавила: – Они познакомились не через Интернет. Это я вам совершенно точно говорю. Иначе я бы знала. А с другими Маринка не пошла бы на свидание. Во всяком случае, не сейчас. Ну, я имею в виду, не в этот период своей жизни. Она была без ума от своего дальнбойщика.

– Вы, кажется, говорили, его зовут Кирилл? – наморщил лоб Гуров, припоминая подробности прошлой беседы с Челышковой у себя в кабинете.

– Кирилл.

– Фамилию не вспомнили?

– Я ее и не знала.

– Понятно. – Сигарета все-таки оказалась во рту у полковника каким-то непостижимым образом. Он и сам не заметил, как это произошло. – Давайте прогуляемся с вами, Катя, до этого знаменитого интернет-кафе, – предложил он, щелкая зажигалкой.

– До «Вечности»? Сейчас?

– Вы же сами сказали, что времени у вас вагон, а это недалеко. Я, честно говоря, немного неуютно уже себя чувствую на самом солнцепеке. И потом... Любую версию надо отрабатывать до конца. Мне, знаете ли, эта служба знакомств, вся эта переписка ваша никак покоя не дает. Хочу разобраться. Возьмете на себя обязанности гида?

Полковнику показалось, что Челышкова пожала плечами, но, учитывая ее круглую комплекцию, утверждать это наверняка он бы не решился.

– Пойдемте, – ответила она, и Гуров заметил, что в глазах девушки все-таки вспыхнул огонек то ли азарта, то ли интереса. – Только платите вы.

– Само собой. – Он рассмеялся. – За кого вы меня принимаете?

Катя снова взяла его под руку и повела в сторону перекрестка. Затем они свернули направо и прошагали пешком еще добрых полквартала. Интернет-кафе «Вечность» оказалось полуподвальным помещением, к входу в которое вела деревянная лестница с резными перилами.

Гуров и его спутница преодолели крутые ступеньки, и он по-джентльменски распахнул перед девушкой дверь.

Внутреннее убранство «Вечности» было несколько мрачноватым, как показалось полковнику. «А может, таковой и должна быть в действительности вечность», – мелькнуло у Гурова в голове.

С правой стороны – погруженный во мрак гардероб, пустующий в это время года, рядом подсвеченное зелеными огоньками окошечко кассы. По левую руку расположилось несколько низеньких столиков и скромно притулившаяся в углу стойка бара. Ничего возвышенного, помпезного. Посетителей в «Вечности» практически не было. Два-три подростка в просторных жеваных майках и линялых, застиранных джинсах.

Челышкова провела Гурова к кассе, и прыщавый молоденький тинейджер в заломленной набок бейсболке выдал посетителям два часовых абонеента на пользование Всемирной сетью. Они прошли во второе помещение, дверь в которое Гуров заметил не сразу по причине того, что она находилась за гардеробом и казалась полностью утонувшей во мраке.

Однако в самом салоне было светло и уютно. Лампы дневного освещения заливали мягким белым светом выкрашенные в голубой оттенок стены и кафельный пол. Расположенные по периметру столы с водруженными на них плоскими экранами мониторов пустовали все, кроме одного. За самым дальним расположился молодой человек в спортивном трико и темно-коричневой рубашке навывпуск. На приход Гурова и его спутницы он никак не отреагировал.

Катя быстро по-хозяйски расположилась у первого же попавшегося монитора. Мышка привычно легла в ее пухлую ладонь. Полковник присел рядом.

– У вас с Филоретовой был один профайл на двоих? – тихо спросил он, внимательно наблюдая за тем, как девушка быстро и проворно выводит на экран необходимую страницу.

– Нет, что вы. Конечно, нет, – улыбнулась Челышкова. – У каждой свой. У нас были адресаты, с которыми мы вели переписку одновременно. И она, и я. Но это только в самых крайних случаях. Если обнаруживался какой-нибудь крайне интересный собеседник. Но в целом у меня был свой круг общения, у Маринки – свой. – Катя усмехнулась одними уголками губ. – Чего греха таить, у Маринки с ее внешностью контактов было куда больше.

– Вам известен ее код доступа?

Гуров тоже взялся за мышку. Краем глаза он видел, что на экране у Челышковой уже выплыла главная страница сайта знакомств, на которой в левом верхнем углу мигал желтый конвертик, извещавший пользователя о том, что с момента его последнего посещения скопилось несколько сообщений. Полковник разглядел и цифру, светившуюся напротив конвертика. Двадцать четыре.

– Вы хотите выйти на ее профайл? – Челышкова на мгновение оставила свой компьютер и вместе со стулом придвинулась к Гурову. – Ах да! Я понимаю. Вы надеетесь обнаружить там что-нибудь, что могло бы указать вам на причину исчезновения Марины. Честное слово, мне эта затея кажется абсолютно бессмысленной, но... Не могу же я воспротивиться представителю власти.

Гуров ничего не ответил. Челышкова быстро вышла на нужную страницу и ввела в появившемся окошечке логин и пароль Марины Филоретовой. Теперь и напротив полковника появилась та же главная страница с мигающим конвертиком. Только цифра пропущенных сообщений у Марины была несколько иной. Сорок три. Интерес к исчезнувшей девушке среди пользователей Всемирной сети и в самом деле превышал тот, которым довольствовалась ее подруга.

– Теперь щелкните мышкой на конверт, и у вас отобразятся все контакты Марины, – посоветовала Челышкова.

Ее стул откатился на прежнее место. Проблемы следствия, связанные с судьбой ее ближайшей подруги, как-то сами собой отступили для нее на второй план. Сейчас Катю интересовала исключительно собственная переписка.

Гуров последовал совету своей юной наставницы и кликнул мышью по желтенькому конвертику. Страница мгновенно сменилась. С правой стороны выплыл перечень личностей, готовых к общению. У некоторых из них имелись фото, у других в этом месте значилась пустующая рамка. Имена, возраст, город, время последнего выхода в сеть. У полковника с непривычки

зарябило в глазах. Несмотря на то, что новых сообщений на профайл Марины пришло сорок три, общее количество контактов разыскиваемой девушки составляло восемьдесят четыре, если быть точным. Внушительный список.

Возле третьей сверху фотографии светловолосого крепкого юноши по имени Влад, изображенного в полный рост на фоне спокойной морской глади, значилась фраза, написанная красным цветом: «Сейчас на сайте!» Такие фразы Гуров заметил у многих других, но щелкнул мышкой по архиву сообщений широкоплечего блондина. Машинально сыщик отметил для себя, что Влад был родом из Костромы.

«Куда ты пропала, солнышко? – спрашивал Влад. – Я, кстати, нашел то, что ты просила. АУ!!! Маришка!»

Гуров пролистал текстовые сообщения ниже. Переписка между Филоретовой и Владом из Костромы велась достаточно давно, в течение полутора месяцев. Говорили обо всем, рассуждали, обменивались мнениями. Но больше всего сыщика заинтересовали первые страницы, где только еще начиналось знакомство молодых людей. Влад рассказывал о себе, Марина о себе. Гуров откинулся на спинку стула и задумчиво поскреб пальцами подбородок. Последнее сообщение, отправленное Мариной, было датировано третьим июля. То есть за двое суток до ее исчезновения.

Окошко мигнуло, и на нем появилась новая весточка от Влада:

«Привет! Рад тебя видеть! Ты вернулась?»

Гуров понял, что на странице у Влада сейчас тоже обозначилось красным текстом, что Марина вышла на сайт. Это произошло сразу, как только полковник при помощи Кати вскрыл профайл Филоретовой.

Гуров нажал крестик, и окно свернулось. Он повернулся к Челышковой, увлеченно стучавшей по клавиатуре пальчиками, отправляя ответ за ответом своим виртуальным собеседникам. На губах девушки играла азартная улыбка. В глазах появился живой блеск.

– Катя! – окликнул ее полковник.

Она повернула голову.

– Да, Лев Иванович. Нашли что-нибудь интересное?

– Пока нет. – Он покачал головой. – Я хотел спросить: здесь можно распечатать все фотографии людей, с которыми контактировала Марина, и саму переписку с ними?

– Без проблем, – ответила девушка. – Обратитесь вон к тому парню. Он тут работает. И сделает все буквально за считанные секунды. Но это стоит денег, – на всякий случай предупредила будущая актриса.

Гуров поднялся из-за стола и направился к молодому человеку в спортивном трико и темно-коричневой рубашке. Просьба полковника подростка нисколько не удивила и не вызвала никаких протестов. Не пришлось даже предъявлять удостоверение и раскрывать свою принадлежность к органам правопорядка. Парень, перекатывая на зубах жвачку, лениво назвал сумму и сообщил, что он сделает все за пять-шесть минут.

Полковник отдал парнишке деньги, и в этот момент в кармане у него зазвонил мобильник. Гуров достал аппарат и отошел с ним в дальний угол помещения. Звонил Крячко.

– Мне пришлось здорово попотеть с твоим Сидько. – По голосу соратника Гуров понял, что в итоге тот сумел-таки добиться нужного результата и сейчас намеренно набивает себе цену. Это был известный и штампованный прием Станислава. – Он истрепал мне всю нервную систему. Короче, с тебя причитается, Лева...

– Я думал, у тебя ее нет, – улыбнулся Гуров.

– Кого?

– Нервной системы.

– А вот представь себе, есть, – категорически опротестовал это предположение Крячко. – Я думал, что придушу этого журналюгу. И знаешь, что меня остановило от смертоубийства?

Только то, что это дело неминуемо окажется в твоей разработке и мне уже не спрятаться, не скрыться. Нигде. Достанешь и засадишь меня за решетку на долгие годы.

– За решетку отправляет суд, Стас, а не я, – парировал Гуров. – Где ты сейчас?

– Здесь, у Сидько.

– Он что, рядом?

– Нет, я вышел на лестничную площадку. Покурить.

– Нашел что-нибудь?

Крячко не сумел отказать себе в искушении выдержать демонстративную театральную паузу. Зато, когда он заговорил снова, в голосе у него появились едва ли не покровительственные нотки:

– Нашел, Лева, нашел. В очередной раз хвала твоей отменной интуиции. Да, Светлана Сидько пользовалась Интернетом. И службой знакомств в том числе. Несмотря на все папашины нападки и активные препятствия, мы нашли у нее в записной книжке код доступа к этому сайту. Я уже заходил. Там около шестидесяти контактов. В основном мужчины. Ну, или так называемые мужчины, – пренебрежительно добавил Крячко. – Потому что, по моему твердому убеждению, серьезные люди не станут заниматься такой х... ерундой. Понимаешь? У нее там даже с двумя или с тремя товарищами из-за рубежа виртуальный секс был...

– Я понял, – засмеялся Гуров. – Тебя это не увлекло?

– Ты шутишь, Лева? Как такое может увлечь. Пишут друг другу, как они раздеваются, что куда вставляют, как...

– Хорошо, что ты все прочел. – Гуров откровенно куражился. – Теперь будешь знать все о сексе. А то уж я собирался на День милиции тебе «Камасутру» подарить. Выходит, деньги сэкономил. И знаешь, Стас, я тоже не прочь лишний раз просветиться. Давай договаривайся там с Сидько... Короче, и это уже кроме шуток, – серьезно продолжил полковник, – сделайте распечатку всей переписки Светланы. Ясенько? И фото тоже распечатайте. Я сейчас занят тем же в интернет-кафе...

– Так что же выходит? – недоверчиво спросил Крячко. – Мы все-таки напали на какой-то след?

– С выводами повременим, друг, – лаконично ответил Гуров. – Давай дейстуй.

Он выключил телефон и вернулся на прежнее место рядом с Катей. Переключить на себя внимание Челышковой было сейчас задачей фактически непосильной. Она, похоже, еле успевала отвечать на сыпавшиеся к ней письма. А как же, интересно, чувствовала себя Марина, у которой контактов было вдвое больше, чем у подруги? Наверное, одним часом тут дело не ограничивалось.

На плечо Гурову легла сухоощавая юношеская ладонь, и он обернулся.

– Готово, – сказал ему парнишка в коричневой рубашке, протягивая кипу свежотпечатанных листов.

Гуров поднялся.

– Катя! – окликнул полковник Челышкову, но в этот момент его телефон вновь напомнил о своем присутствии мелодичным сигналом.

– Товарищ полковник, – быстро и четко прозвучал голос в трубке. – Это майор Кулинок вас беспокоит.

– Слушаю тебя, Василий. Что стряслось?

– С нами сейчас связались из местного РОВДа. У них труп девушки лет двадцати пяти. Вполне возможно, что это по вашему делу...

В груди Гурова неприятно кольнуло.

– Ее опознали?

– Кажется, еще нет. Документов при ней не было. Тело отвезли в городской морг. Мне неизвестны подробности, товарищ полковник.

– Хорошо, Вася, я все понял. Сейчас выезжаю.

К тому моменту, когда полковник прибыл в здание городского морга, труп девушки, найденный в котловане заброшенной стройки, уже опознали. Это была Татьяна Прыткунова, числившаяся в списке пропавших за последнее время девушек под номером три. То есть ее исчезновение предшествовало исчезновению Ирины Гордеевой.

В коридоре на длинной кожаной кушетке сидела с красными от слез глазами и взлохмаченными волосами мать Татьяны Анна Владимировна Прыткунова и ее старшая дочь Ольга. Ольга, женщина лет тридцати трех, в отличие от матери не плакала, но настроение ее было до крайности подавленным. Она держала мать за руку и что-то негромко говорила ей почти в самое ухо. Анна Владимировна растерянно кивала, и трудно было понять, доходит ли до нее смысл произносимых старшей дочерью слов. Без сомнения, женщина уже находилась под воздействием успокоительных препаратов.

Напротив женщин на такой же кушетке расположился оперативник из местного РОВДа. Он что-то старательно помечал в своем компактном квадратном блокноте. Гурову уже приходилось сталкиваться со старшим лейтенантом. Они пересекались раза два. Полковник даже помнил, что коллеги звали его Зяблик, но с уверенностью утверждать, фамилия это старлея или просто его кличка, принятая среди друзей, Гуров не взялся бы.

Зяблик, заметив важняка из ГУ, поспешно поднялся ему навстречу. Обратили внимание на приход Гурова и Прыткуновы. Ольга хотела было встать, но полковник мягко опустил руку ей на плечо.

– Сидите, – тихо произнес он, покосившись на Анну Владимировну, глянувшую на него жалостливыми слезливыми глазами. На мгновение Гуров даже ощутил некое чувство вины перед этой женщиной. Но за что? – Примите мои искренние соболезнования. Мне очень жаль, но вам придется ответить еще на некоторые вопросы... Поэтому я попросил бы вас задержаться ненадолго. Хорошо?

Ольга кивнула:

– Конечно.

Анна Владимировна не ответила.

Полковник повернулся к Зяблику, взял его под локоть и отвел в сторону:

– Как прошло опознание?

Старлей поскреб кончиком карандаша у себя за ухом и поморщился.

– Да как оно могло пройти, товарищ полковник? – Зяблик убрал в нагрудный карман рубашки карандаш и свой замусоленный блокнотик, он периодически облизывал нижнюю губу языком. Гуров припомнил, что эта привычка была у старлея и прежде. – Слезы, истерики. Женщине пришлось сделать укол. Она там в обморок было хлопнулась от расстройства чувств.

– Я не об этом спрашивал, – перебил собеседника Гуров. – Меня интересует сейчас официальная сторона дела.

– Ну, в этом плане – полный порядок, – кивнул Зяблик.

– А кто обнаружил тело?

– Алкаш один. Бомж. – В голосе старлея появилось неприкрытое пренебрежение. – Он то ли поспать забрел на эту стройку, то ли отлить приспичило. Хрен его разберешь. Он сейчас в отделении. Будете разговаривать с ним, товарищ полковник?

– Непременно, – ответил Гуров. – Вместе и поедem в РОВД. А пока приглядывайте за женщинами. Как я понял, у вас уже имеется опыт по этой части. Успокоить, предотвратить обмороки и все такое...

Зяблик растерянно заморгал глазами, и его нервный тик с облизыванием губы усилился. Однако полковник уже оставил его и деликатно постучал костяшками пальцев в дверь лаборатории.

– Да-да, – коротко откликнулся медицинский эксперт, невысокий кряжистый мужчина лет сорока пяти с седыми, зачесанными на косой пробор реденькими волосами. – А, это вы, Лев Иванович! Ждал, ждал вашего прихода. Значит, все-таки из вашей коллекции дамочка? Вернее, то, что нынче от нее осталось. Трупик-с.

Это слово «трупик-с» Альберт Доминикович Танцман всегда произносил именно так. В плебейской шутивно-почтительной форме. Танцман проработал в этом мрачном заведении без малого двадцать лет. Гуров вполне резонно полагал, что за такой период медицинские эксперты, большую часть времени возившиеся с бренными останками, либо сходят с ума, либо неминуемо становятся законченными циниками. Альберт Доминикович угодил во вторую категорию.

– Похоже, что так, – стараясь попасть в унисон, ответил Гуров. – У вас есть что сообщить мне, Альберт Доминикович?

– Боюсь, что пока я еще не располагаю целостной картиной. Работа только начинается. И ее непочатый край, Лев Иванович. Но одно могу сказать вам наверняка. Девушка умерла дня четыре назад. Максимум пять. Это, так сказать, мое предварительное заключение по времени смерти. На глаз.

– Отчего наступила смерть?

– Это еще только предстоит выяснить. – Танцман достал сигарету и закурил. – На первый взгляд причин может быть несколько. Во-первых, девушка была изнасилована. Это подразумевает под собой и разрывы внутренних тканей. Во-вторых, ей наносили удары по голове... Как минимум дважды. И в-третьих, – сжимая сигарету зубами, эксперт неторопливо загибал пальцы на правой руке, – на теле в области шеи я заметил характерные следы удушения. Согласитесь, Лев Иванович, что мы сейчас с вами можем только гадать на кофейной гуще.

– Сколько времени вам потребуется для полного заключения, Альберт Доминикович? – не отставал Гуров.

– Ну, дайте мне хотя бы сутки, – прикинув что-то в уме, ответил тот.

Дверь в лабораторию за спиной Гурова распахнулась. Танцман перевел взгляд. Полковник тоже обернулся. На пороге стоял Крячко, но он был не один. Рядом со Станиславом маячила жердеобразная фигура Владимира Сидько.

– Так я был прав? – едва ли не торжественно выкрикнул журналист, обращаясь неизвестно к кому. – Теперь, надеюсь, никто не станет оспаривать мою версию о маньяке-серийнике? Или одного трупа вам мало, господа сыщики? Скажите, сколько жертв должно быть, чтобы вы наконец начали шевелиться?

Гуров нахмурился.

Глава 5

– Огромное вам спасибо, Михаил. Честное слово, если бы не вы... Если бы не ваше своевременное вмешательство... Я не знаю, что бы сделали эти отморозки с Николаем. А вы – молодец!

– Да ладно, перестаньте. – Он вскинул голову и подставил лицо мягким рассветным лучам солнца. – Любой на моем месте поступил бы точно так же. Не стоит лепить из меня героя.

– Нет, не любой, – не согласилась с ним Людмила. Она энергично покачала головой, и один золотистый локон упал ей на лицо. – Сейчас вокруг сплошное равнодушие. Крики о помощи ни на кого не действуют. Каждый боится за собственную шкуру. А вы не побоялись. Мне даже не пришлось кричать. – Она натянуто улыбнулась. – Я ведь растерялась ужасно. И напугалась тоже... Эти двое налетели так стремительно. Ничего не сказали, ничего не объяснили... А просто начали бить Колю. За что? Как вы считаете, Михаил? Зачем они это сделали?

Они стояли рядом на крыльце травматологического отделения больницы, куда доставили вчера поздно вечером Николая Рябышкина. В результате неожиданной стычки с двумя амбалами возле самого дома Людмилы у парня оказались сломаны два левых ребра. Печальный итог, конечно, но, по мнению девушки, все могло быть гораздо хуже, если бы не подоспел спаситель. Участливый молодой человек. Он не только бесстрашно ринулся в бой, сам схлопотав раза три по лицу, но и помог доставить стонущего Николая в больницу. А сегодня утром, как и Людмила, пришел его навестить, справиться о состоянии. Значит, принял всю эту ситуацию близко к сердцу.

Людмила испытывала к этому человеку, представившемуся Михаилом, чувство глубокой, безразмерной благодарности.

– Я не ясновидящий. – Он повернулся лицом к девушке и заглянул в ее ясные карие глаза. Слегка опустил взгляд и сфокусировал его на той самой ямочке на подбородке, что привлекла его внимание еще в «Адажио». – Причины у них могли быть самые разнообразные. Ограбление, попытка самоутвердиться, ваша персона, наконец...

– Моя? – вроде бы удивилась Людмила, но он видел, что она прекрасно поняла смысл его последних слов.

– Конечно. – Его рука, описав короткую дугу, осторожно коснулась ее сбившегося локона и вернула его в прежнее положение. Движение было простым, естественным и полным простой человеческой заботы. – Вы ведь сами назвали их отморозками. И это более чем верное определение. Они не люди. К сожалению, мне нередко приходится сталкиваться с такими личностями. Издержки профессии. – Он грустно усмехнулся. – И мне прекрасно известно, что для них нет ничего святого. Животные! Самые настоящие животные. И вот представьте, они видят потрясающей красоты девушку. Идеальная, без малейших изъянов фигура, золотистые волосы... А рядом с ней кто-то. Не они, а кто-то другой. Что это порождает в их нечеловеческой душе?

Людмила молчала. Сейчас ей казалось, что взгляд этого человека пронзает ее насквозь. И его слова о ней... Он сказал их так буднично, так легко. Будто бы она и в самом деле являлась эталоном женской красоты и оспаривать этот факт было бы по меньшей мере глупо. Дескать, зачем акцентировать свое внимание на том, что и так предельно очевидно.

– Это порождает у них зависть, граничащую с агрессией, – заключил он. – Скоты, одним словом.

Его взгляд ушел в сторону. Маленький пробный бросок по воротам противника, и все. Пока что достаточно. Проверка голкипера на стойкость. Он потянулся в карман за сигаретами. Движения спокойные и неторопливые. Человек, никуда не спешащий и уверенно смотрящий в завтрашний день. Он закурил. Выпустил вверх густой сизый клуб дыма.

Она молчала. И это было хорошим знаком. Он знал это. Тишину больничного сквера нарушал только шелест листвы и отдаленное воркование голубей, примостившихся где-то под карнизом крыши. Одна глубокая затычка, вторая, третья. Пора!

– Вы не волнуйтесь, Людмила. Все образуется. Коля поправится. Ну, не сегодня завтра, так через пару недель максимум. Поверьте мне на слово, драка в темном переулке – это еще не конец света. Не самое страшное испытание для человека. А вы уже погружаетесь в депрессию. Нехорошо. – Он дружески и ободряюще подмигнул ей. – Хотите кофе? Я в этом отношении как наркоман, честное слово. Составите компанию?

– Можно.

Ее лицо изменилось. В нем появился свет. И нос не казался уже таким вздернутым. Он подал ей руку. Она автоматически протянула свою и спустилась с крыльца.

– А чем вы занимаетесь, Михаил?

– Что? – Казалось, он уже не думал ни о чем другом, кроме как о замаячившей перспективе пропустить чашечку крепкого кофе.

– Ну, вы сказали, что из-за вашей профессии вам нередко приходится сталкиваться с отморозками и подонками. Почему? Чем вы занимаетесь?

– Ах, это... – Его губы, а вместе с ними и аккуратно подстриженная мефистофельская борода чуть-чуть разъехались в стороны. – Я занимаюсь автомобильным бизнесом. Ничего интересного. Сплошная рутина. Но нам ведь не всегда удается найти себе занятие по душе. Реалии жизни. Надо кушать, одеваться.

Он вынул изо рта наполовину истлевшую сигарету и бросил в урну. Они шли к выходу из больничного сквера, и он держал ее под руку. Это произошло так естественно, что Людмила и не придавала значения данному факту. Он вроде бы тоже действовал бессознательно, и последуй с ее стороны протест, обязательно извинился бы за свою оплошность. Но она не убирала руку. Не отстранялась.

– А чем бы вы хотели заниматься? Если для души и для сердца?

– Ну, в этом случае я писал бы стихи. Только стихи, с утра до вечера. Ну, может быть, еще и поэмы...

– Вы – романтик, Михаил, – с уверенностью заявила девушка.

– Возможно.

– И что бы вы воспевали в своих поэмах?

Он выдержал непродолжительную паузу, разжигая интерес к наметившейся теме разговора. Охотник заманивал свою потенциальную жертву в умело расставленный капкан. Шаг за шагом. Неумолимо и целенаправленно. На его лице отобразилось задумчивое выражение. Две продольные складки с легким изгибом посередине прорезали высокий покатый лоб. Она думала, что он колеблется или подыскивает слова для ответа.

– Хотелось бы заинтриговать вас, – чуть виновато признался он. – Придумать нечто такое, что заставило бы вас думать обо мне иначе, чем обо всех прочих неисправимых романтиках, которым так непросто приспособиться к современному образу жизни. Но ничего не вышло. Решения так и не пришло на ум. Что еще можно воспевать в поэмах? Конечно, любовь, женщин... Что может быть прекраснее и совершеннее, чем... Хотите, я напишу что-нибудь для вас? – неожиданно предложил он.

– Для меня? – Она растерялась, но в глазах все-таки метнулись озорные искорки. – Зачем?

– Просто так, – спокойно ответил он, повернул голову, вроде бы для того, чтобы оглянуться назад, и вдохнул аромат ее волос. Людмила заметила это. Не могла не заметить. И он добивался этого. Она рефлекторно отстранилась, и он тут же потупил взор. – Для души. Красота, знаете ли, вещь ужасно суровая и обидчивая.

– Как это?

– Она никогда не прощает, если ее игнорируют. Она требует, чтобы ее воспевали, уделяли ей должное внимание. Жутко избалованная особа, скажу я вам.

Он замолчал. В его планы не входило развивать эту тему дальше. Во всяком случае, не сейчас. Ни в коем случае не следует с ходу перегружать ее. Пусть осмыслит уже сказанное. Зерно упало на благодатную почву, он в этом не сомневался. И теперь оставалось ждать, когда почва его примет, почувствует частичкой себя и зерно начнет давать всходы.

Но Людмиле этого минимума, видимо, оказалось недостаточно. Поначалу она тоже погрузилась в молчание и не проронила ни единого слова до тех пор, пока они не достигли респектабельной двухэтажной кофейни на углу Давыдова и Знаменской. Он распахнул дверь, галантно пропуская девушку вперед. Она не стала долго мучиться выбором и села за ближайший столик. Он расположился рядом. Рука случайно коснулась ее обнаженного колена, но он тут же вскинул ее, привлекая внимание официантки. Краем глаза он заметил, что Людмила смотрит на него. Не открыто и прямо, а, напротив, как-то даже воровато, но с неподдельным интересом. Будто стремится отвести в сторону намагниченный взгляд, но никак не может.

Подошла официантка.

– Два кофе, пожалуйста, – сказал он, посылая круглолицей брюнетке одну из самых очаровательных своих улыбок. Ровные белые зубы блеснули в свете стоящего слева торшера. – Самого лучшего, на ваше усмотрение. Уверен, что в этом вопросе мы вряд ли сумеем с вами поспорить. Вы не против, Людочка?

Он повернулся к ней с той же улыбкой и уловил в ее глазах то, что и требовалось. Его спутнице пришлось не по душе столь обходительное отношение к официантке. Но она старательно скрывала это. Очень старательно, и любой другой на его месте мог бы этого и не заметить. Любой, но не он. Женщины были для него книгами, которые он все уже прочел от корки до корки, и не один раз.

– Нет, не возражаю.

– Хотите пирожное? – предложил он.

Теперь баланс был нарушен в другую сторону. Сверкающая улыбка, лучистые ясные глаза... Взгляд, полный теплоты и живого участия, был предназначен только ей. Ее густые ресницы взметнулись вверх. Реванш над официанткой был взят достаточно быстро.

– Да, если можно.

– Отчего же нельзя? – Он лениво откинулся на спинку стула. – Вам можно все, Люда. Тем более учитывая те неприятности, которые вам пришлось пережить, – и он вновь обратился: – Будьте добры, принесите нам пирожное.

– Одно?

– Да. Но непременно самое вкусное и самое воздушное.

Официантка удалилась выполнять заказ. Они снова остались вдвоем. Он ждал от нее вопроса. Одного-единственного вопроса, который должен был решить сейчас если не все, то, во всяком случае, многое. А вопрос неминуемо прозвучит. На настоящий момент он сделал для этого все и видел, что этот вопрос уже затаился в уголках ее глубоких бездонных глаз, буквально повис на кончике языка.

Он вынул из бокового кармана брюк сигареты и зажигалку, положил все это на стол, придвинул к себе пепельницу. На Людмилу он уже не смотрел, погрузившись в задумчиво-меланхолическое состояние.

Она молчала. Он ждал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.